

*Линкольн Чайлд посвящает эту книгу
своей дочери Веронике*

*Дуглас Престон посвящает эту книгу
Элизабет Берри и Эндрю Себастиану*

Величественный особняк в стиле боз-ар на Риверсайд-драйв, тщательно ухоженный и безупречно сохранившийся, выглядел нежилым. В этот непогожий июньский вечер никто не прогуливался по галерее, выходящей на Гудзон. Из эркерных окон не струился желтый свет. Единственный видимый огонь горел у парадного входа, освещая дорожку под крытым крыльцом.

Однако внешний вид бывает обманчивым, причем иногда — преднамеренно. Ведь дом 891 по Риверсайд-драйв между 137-й и 138-й улицами был резиденцией специального агента ФБР Алоизия Пендергаста, а Пендергаст прежде всего ценил неприкосновенность своей частной жизни.

Хозяин дома сидел в кожаном «ушастом» кресле в изящной библиотеке особняка. Хотя лето уже вступило в свои права, вечер был ветреный и прохладный, а потому в камине потрескивал огонек. Пендергаст листал «Манъёсю», старинную антологию японской поэзии, восходящую к 750 году. На столе рядом с ним стояли маленький тэцубин (небольшой чугунный чайник) и фарфоровая чашка, наполовину наполненная зеленым чаем. Ничто не мешало его размышлениям. Тишину нарушало лишь тихое потрескивание угольков в камине да рокот грома где-то далеко за закрытыми ставнями.

Но вот из зала приемов раздался тихий звук шагов, и в дверях библиотеки появилась Констанс Грин. На ней

было простое вечернее платье. Ее фиалковые глаза и темные волосы, коротко подстриженные на старомодный манер, оттеняли белизну кожи. Констанс сжимала в руке пачку писем.

— Почта, — сказала она.

Пендергаст медленно кивнул и отложил книгу в сторону.

Констанс села рядом с ним, отметив, что впервые после возвращения из своего так называемого «колорадского приключения» он наконец стал выглядеть как прежний Пендергаст. Его состояние после кошмарных событий прошлого года беспокоило ее.

Констанс начала перебирать небольшую пачку писем, оставляя без внимания то, что не могло заинтересовать Пендергаста. Он не любил вдаваться в обыденные детали. У него была старая и надежная юридическая фирма в Новом Орлеане, услугами которой давно пользовалась его семья и которая оплачивала счета и управляла частью его необычайно больших доходов. У него была столь же почтенная нью-йоркская банковская фирма, управлявшая другими его инвестициями, вкладами и недвижимостью. И еще у него был почтовый ящик для самой разной корреспонденции, которую регулярно забирал Проктор, его шофер, телохранитель и доверенный личный секретарь. В настоящее время Проктор готовился к отъезду — собирался посетить родственников в Эльзасе, поэтому Констанс взяла на себя часть его обязанностей.

— Тут письмо от Кори Свенсон.

— Открой его, пожалуйста.

— Она прилагает копию письма из колледжа Джона Джея. Ее дипломная работа получила Премию Рузвельта.

— Да, я присутствовал на церемонии.

— Уверена, что Кори была рада.

— Редко случается, чтобы церемония вручения дипломов являла собой нечто большее, чем леденящий парад серости и лицемерия под надоедливое повторение «Вы-

пускного марша». — Припомнив подобное, Пендергаст отхлебнул чая. — Так вот, это был как раз такой редкий случай.

Констанс перебрала еще несколько писем:

— И вот письмо от Винсента д'Агосты и Лоры Хейворд.

Он кивнул ей, чтобы она просмотрела текст.

— Это благодарность за свадебный подарок и еще раз за обед.

Пендергаст наклонил голову. Месяц назад, накануне свадьбы д'Агосты, Пендергаст устроил приватный обед для жениха и невесты из нескольких блюд, приготовленных им лично. К обеду прилагались редкие вина из его погреба. Именно этот жест больше, чем что-либо другое, убедил Констанс, что Пендергаст оправился от недавно пережитой эмоциональной травмы.

Она пересказала содержание еще нескольких писем, потом отложила в сторону те, что представляли интерес, а остальные бросила в огонь.

— Как продвигается проект, Констанс? — спросил Пендергаст, наливая себе еще чашку чая.

— Превосходно. Как раз вчера я получила посылку из Франции, из Дижонского родословного архива, и теперь пытаюсь задействовать эти материалы в работе над тем, что получено из Венеции и Луизианы. Когда у тебя будет время, задам тебе несколько вопросов об Огастусе Робеспьере Сен-Сире Пендергасте.

— Основная часть того, что мне известно, состоит из семейных преданий — слухов, выдумок, легенд и страшных историй, передаваемых шепотком. Буду рад поделиться с тобой большинством из них.

— Большинство? Я надеялась, что всеми.

— К сожалению, в семейном шкафу Пендергастов есть свои скелеты, как в прямом, так и в переносном смысле. Ими я не могу поделиться даже с тобой.

Констанс вздохнула и встала. Пендергаст вернулся к своему поэтическому сборнику, а она вышла из библиотеки и прошла через зал приемов, уставленный музейными шкафами с различными диковинными предметами, в длинное, тускло освещенное помещение, отделанное потемневшими от времени дубовыми панелями. Главным в этом помещении был деревянный обеденный стол почти во всю длину комнаты. На одном конце стола лежали журналы, старые письма, опросные листы, пожелтевшие фотографии и гравюры, протоколы судебных заседаний, мемуары, перепечатки с газетных микрофишей и другие документы, все в аккуратных стопках. Рядом стоял ноутбук, чей светящийся экран казался не к месту в этой темной комнате. Несколько месяцев назад Констанс взялась составлять генеалогию семейства Пендергаст. Она хотела не только удовлетворить собственное любопытство, но и привести Пендергаста в чувство. Задача была фантастически сложной, приводящей в бешенство, но в то же время бесконечно захватывающей.

В дальнем конце этой длинной комнаты, за арочной дверью, находился вестибюль, ведущий к парадному входу в особняк. Едва лишь Констанс собралась сесть за стол, как раздался громкий стук во входную дверь.

Констанс замерла, нахмурившись. В доме 891 по Риверсайд-драйв посетители бывали редко, и никто из них не являлся без предупреждения.

Снова стук в дверь, сопровождаемый глухим ворчанием грома.

Разгладив на себе платье, Констанс прошла в вестибюль. Тяжелая входная дверь была массивной, без глазка, и Констанс застыла в нерешительности. Не дождавшись третьего стука, она отперла верхний замок, потом нижний и медленно открыла дверь.

Там, в свете лампы под навесом крыльца, стоял молодой человек. Его влажные светлые волосы прилипли к го-

лове. Мокрое от дождя лицо было точеным, типично нордическим, с высоким лбом и красиво очерченными губами. Он был одет в льняной костюм, промокший до нитки и облепивший тело.

Он был связан толстыми веревками.

Констанс ахнула и потянулась к нему. Но выпученные глаза молодого человека даже не заметили ее движения. Он не мигая смотрел прямо перед собой.

Несколько мгновений фигура оставалась недвижимой, лишь чуть покачивалась, освещаемая вспышками молнии, а потом начала падать, как срубленное дерево: сначала медленно, затем все быстрее, и наконец он рухнул лицом вниз поперек порога.

Констанс с криком отскочила назад. На крик прибежали Пендергаст и Проктор. Пендергаст решительно отстранил Констанс и опустился на колени рядом с молодым человеком. Он ухватил упавшего за плечо и перевернул, откинул волосы с лица и попытался нащупать на холодной шее пульс, который явно отсутствовал.

— Он мертв, — неестественно спокойно констатировал Пендергаст.

— Боже мой, — проговорила Констанс прерывающимся голосом. — Это же твой сын Тристрам.

— Нет, — возразил Пендергаст. — Это Альбан. Его близнец.

Еще несколько мгновений он оставался на коленях рядом с телом, затем каким-то кошачьим движением вскочил на ноги и исчез в завывающем грозном ветре.

2

Пендергаст добежал до Риверсайд-драйв и задержался на углу, осматривая широкую улицу в обе стороны — на север и на юг. Дождь лил теперь как из ведра, машин почти

не было, а пешеходы и вовсе исчезли. Его взгляд остановился на ближайшей машине в трех кварталах к югу: лимузин «линкольн» одной из последних моделей, черного цвета, таких тысячи на улицах Манхэттена. Подсветка номерного знака была выключена, делая нью-йоркский номер нечитаемым.

Пендергаст бросился за машиной.

Лимузин, не набирая скорости, продолжал неторопливо ехать по улице, на каждом перекрестке попадая под зеленую волну и постоянно увеличивая разделяющее их расстояние. Когда же свет перед машиной переключился на желтый, а потом и на красный, лимузин все с той же скоростью проехал на запрещающий сигнал.

Пендергаст вытащил сотовый и на бегу набрал номер:

— Проктор, подъезжайте. Я на Риверсайд, направление на юг.

Лимузин почти исчез из виду, если не считать блеклых задних габаритных огней, едва видимых за стеной дождя, а когда Риверсайд-драйв сделала небольшой поворот на пересечении со 126-й улицей, даже и эти огни исчезли.

Пендергаст продолжал нестись сломя голову, полы его черного пиджака развевались, дождь хлестал по лицу. Еще несколько кварталов — и он снова увидел тот лимузин, остановившийся перед светофором за двумя другими машинами. Пендергаст снова вытащил телефон и набрал номер.

— Двадцать шестой участок, — послышался голос. — Полицейский Пауэлл.

— Говорит специальный агент Пендергаст, ФБР. Преследую черный лимузин, номер нью-йоркский, прочесть невозможно. Едет на юг по Риверсайд в районе Сто двадцать четвертой. Находящиеся в машине подозреваются в убийстве. Нужна помощь.

— Десять-четыре, — раздался голос дежурного. И секунду спустя: — У нас в этом районе, в двух кварталах от-

туда, патрульная машина. Сообщайте нам об изменении маршрута.

— Воздушная поддержка тоже нужна, — сказал Пендергаст, продолжая бежать.

— Сэр, если эти люди только подозреваемые...

— Это приоритетный объект для ФБР. Повторяю: *приоритетный объект.*

После короткой паузы пришел ответ:

— Выпускаем птичку.

Пендергаст убрал телефон, и в этот момент лимузин неожиданно обогнул две машины, стоящие под красным, заехал на бордюрный камень, пересек тротуар, смял несколько клумб в Риверсайд-парке, перемалывая колесами мокрую землю, а потом рванул по встречной полосе ко въезду на Генри-Гудзон-паркуэй.

Сообщив полиции об изменении маршрута лимузина, Пендергаст снова позвонил Проктору, после чего свернул в парк, перепрыгнул через низкую ограду и побежал по клумбам с тюльпанами, не спуская глаз с задних габаритных огней лимузина, который, скрежеща шинами, поднимался по съездному пандусу на Генри-Гудзон-паркуэй.

Пендергаст перепрыгнул через низкую каменную стену на дальней стороне дороги и заскользил по насыпи к набережной, разбрасывая мусор и битое стекло в попытке остановить машину. Он упал, перекатился и поднялся на ноги, тяжело дыша, промокший до такой степени, что белая рубашка прилипла к груди. Лимузин на его глазах развернулся в обратном направлении и помчался по выездной спирали в его сторону. Пендергаст потянулся было за «лес-баером», но обнаружил, что кобура пуста. Он быстро оглядел темную набережную и был вынужден откатиться в сторону, когда по нему полоснул яркий луч света. Как только машина проехала, он снова поднялся на ноги и проследил взглядом за тем, как она влилась в основную поток движения.

Почти в тот же миг рядом с ним резко затормозил винтажный «роллс-ройс». Пендергаст открыл заднюю дверь и запрыгнул на сиденье.

— Преследуем лимузин, — сказал он Проктору, пристегиваясь.

«Роллс» плавно набрал скорость. Пендергаст услышал сзади слабый вой сирен, но полиция была слишком далеко, и ей грозило застрять в городском трафике. Он достал из бокового отделения полицейскую рацию. Погоня усложнялась, лимузин менял полосы, подрезал другие машины на скорости, приближающейся к сотне миль в час, даже когда они оказались на ремонтируемом участке, где бетонные ограждения стояли вдоль обеих обочин.

На полицейском канале шли интенсивные переговоры, но машина Пендергаста была ближе всех к лимузину. Вертолета он пока не видел.

Внезапно в скоплении машин впереди сверкнули яркие вспышки, а за ними последовал звук выстрелов.

— Выстрелы! — прокричал Пендергаст в открытый полицейский канал.

Он сразу же понял, что происходит. Машины впереди бешено завияли из стороны в сторону, запаниковав из-за непрекращающихся выстрелов. Потом раздались звуки ударов и хруст, когда несколько машин на высокой скорости врезались друг в друга, вызывая цепную реакцию, и на дороге быстро образовался затор из битого дымящегося железа. Проктор умело сбросил скорость и перешел на торможение двигателем, попытавшись объехать затор. «Роллс» под углом ударился о бетонное ограждение, его отбросило назад, и он получил удар сзади от машины, которая с оглушительным металлическим скрежетом врезалась в образовавшееся нагромождение. Пендергаст чуть не вылетел вперед, но ремень безопасности сработал жестко, а затем его вжало в сиденье. Слегка оглушенный, он услышал шипение пара, вопли, крики, скрежет тормозов

и новые удары — машины продолжали пополнять собой затор. К этому примешивался усиливающийся вой сирен, и наконец раздалось характерное «чоп-чоп-чоп» вертолета.

Страхнув с себя битое стекло, Пендергаст постарался собраться с мыслями. Он расстегнул ремень безопасности и наклонился вперед посмотреть, что с Проктором.

Проктор был без сознания, его голова была залита кровью. Пендергаст нащупал рацию, чтобы вызвать помощь, но двери машины уже открылись, и к нему протянулись руки медиков.

— Не трогайте меня, — отмахнулся он. — Займитесь водителем.

Пендергаст вышел из машины под проливной дождь, страхнув с себя на асфальт еще порцию осколков. Он посмотрел вперед, на непролазную мешанину автомобилей и море мигающих огней, слушая крики фельдшеров и полицейских и стрекот бесполезного вертолета, описывающего круги над этим хаосом.

Черный лимузин давно исчез.

З

Лейтенант Питер Энглер, бывший активист-эколог, окончивший Университет Брауна по специальности «античная литература», не был типичным нью-йоркским полицейским. Но у него имелись кое-какие общие с его коллегами-полицейскими качества: он любил, когда дела расследуются чисто и быстро, и еще он любил видеть преступников за решеткой. Та самая целеустремленность, которая в 1992 году, на четвертом курсе, усадила его за перевод «Истории Пелопоннесской войны» Фукидида, а позднее в том же десятилетии гнала забивать гвозди в древние секвойи, чтобы испортить настроение лесорубам с бензо-

пилами, — та же самая целеустремленность заставляла его, не жалея сил, делать карьеру в полиции, где он довольно рано, в возрасте тридцати шести лет, дослужился до звания лейтенанта и должности главы сыскного отдела. Он организовывал расследования, как военные операции, и требовал от своих подчиненных, чтобы они четко и неукоснительно исполняли свой долг. Результаты, которые он получал благодаря такой стратегии, были источником непреходящей гордости Энглера.

Именно поэтому последнее расследование вызывало у него такое беспокойство.

Собственно говоря, дело было открыто всего двадцать четыре часа назад, и его подчиненных нельзя было обвинить в отсутствии прогресса. Они все делали как положено. Сотрудники, первыми прибывшие на место, обеспечили безопасность, взяли показания, задержали свидетелей до прибытия криминалистов. Те в свою очередь тщательно обследовали место происшествия, осмотрели и собрали улики. Команда Энглера работала в тесном взаимодействии с бригадой экспертов, специалистами по дактилоскопии, судмедэкспертами и фотографами.

Нет, его беспокойство было связано с необычным характером преступления и, по иронии судьбы, с отцом покойного — специальным агентом ФБР. Энглер прочел распечатку заявления, сделанного этим агентом, и отметил его лаконичность и отсутствие полезной информации. Хотя это вроде бы никак не препятствовало расследованию, но агент почему-то не желал впускать их в свой дом за пределы места преступления, он даже не позволил одному из полицейских воспользоваться туалетом. Официально ФБР в деле, конечно, не участвовало, но Энглер был готов из любезности предоставить этому человеку доступ к собранным материалам, если он того пожелает. Но агент не обратился к нему с такой просьбой. Если бы Энглер не был опытным полицейским, он бы предполо-

жил, что Пендергаст не хочет, чтобы убийца его сына был найден.

Поэтому он и решил лично поговорить с Пендергастом ровно... (он посмотрел на часы) ровно через одну минуту.

И ровно через одну минуту агента проводили в его кабинет. Провожающим был сержант Лумис Слейд, адъютант Энглера, его личный помощник и часто пресс-секретарь. Энглер опытным глазом отметил необычные детали внешности посетителя: высокий, худощавый, с очень светлыми волосами и бледно-голубыми глазами. Черный костюм и темный галстук с простым рисунком довершали аскетическую картину. Ну никак он не был похож на типичного агента ФБР. Но с учетом мест его проживания — квартира в «Дакоте» и великолепный особняк на Риверсайд-драйв, куда подбросили тело, — Энглер решил, что удивляться не стоит. Он предложил агенту стул, после чего занял свое место за столом. Сержант Слейд расположился в дальнем углу, за спиной у Пендергаста.

— Агент Пендергаст, — начал Энглер, — спасибо, что пришли.

Человек в черном костюме наклонил голову.

— Прежде всего позвольте мне выразить соболезнования в связи с вашей утратой.

Пендергаст не ответил. В его взгляде не было скорби. Напротив, его лицо оставалось бесстрастным. Оно было закрытой книгой.

Кабинет Энглера не был похож на кабинеты других лейтенантов нью-йоркской полиции. Да, конечно, тут имелись шкафы с папками и стопки докладов, но на стенах вместо благодарностей и фотографий с высоким начальством висела дюжина карт античного мира. Энглер был страстным коллекционером-картографом. Обычно вниманию посетителей его кабинета немедленно предлагалась страница из Французского атласа Леклерка 1631 года, или лист 58 из Атласа Британии Огилби, на котором была показана дорога из Бристоля в Эксетер, или — его радость

и гордость — пожелтевший, хрупкий фрагмент из Пейтингеровой таблицы, скопированной Абрахамом Ортелием¹. Но Пендергаст даже мельком не взглянул на коллекцию.

— Я бы хотел, если вы не возражаете, задать несколько вопросов по вашему первоначальному заявлению. И должен заранее вас предупредить, что эти вопросы будут неудобными и неприятными. Заранее прошу прощения. Ввиду вашей собственной службы в силовой структуре, я надеюсь, вы меня поймете.

— Естественно, — ответил агент со сладкозвучным южным акцентом, но за этим сладкозвучием слышалось что-то жесткое, металлическое.

— У этого преступления, говоря откровенно, есть несколько аспектов, которые меня обескураживают. Согласно вашему заявлению и заявлению вашей... — взгляд в бумаги на столе, — подопечной мисс Грин, вчера вечером, приблизительно в двадцать минут десятого, в парадную дверь вашей резиденции постучали. Когда мисс Грин открыла дверь, она обнаружила на крыльце тело вашего сына, связанного толстыми веревками. Убедившись, что он мертв, вы принялись преследовать черный лимузин, который направлялся на юг по Риверсайд-драйв. В то же время вы позвонили в «девять-один-один». Верно?

Агент Пендергаст кивнул.

— Откуда у вас возникло впечатление, по крайней мере вначале, что убийца находится в том автомобиле?

— Других машин на дороге не было. Как не было и пешеходов.

— Вам не пришло в голову, что преступник мог спрятаться где-то на вашей земле, а потом исчезнуть каким-нибудь другим путем?

¹ *Пейтингерова (Певтингерова) таблица* — копия XIII века с древнеримской карты с изображением дорог и основных городов Римской империи; названа по имени одного из владельцев. *Абрахам Ортелиус* — фламандский картограф XVI века, составивший первый в истории географический атлас.

— Эта машина несколько раз проскочила на красный свет, выехала на тротуар, проутюжила клумбу, въехала на Генри-Гудзон-паркуэй по встречной, сделала запрещенный поворот. Иными словами, если вы смотрели на эту машину, у вас возникало твердое впечатление, что она пытается скрыться от преследования.

Сухое, слегка ироничное изложение этих соображений подействовало Энглеру на нервы.

Пендергаст продолжил:

— Позвольте узнать, почему полицейский вертолет появился с таким опозданием?

Это еще больше раздражило Энглера.

— Он появился без опоздания — через пять минут после вызова. Это очень хорошо.

— Это недостаточно хорошо.

Пытаясь вернуть контроль над разговором, Энглер произнес чуть резче, чем собирался:

— Возвращаясь к преступлению. Несмотря на тщательное прочесывание близлежащих районов, мои детективы не нашли ни одного свидетеля, который видел бы этот лимузин. Кроме тех, кто находился непосредственно на Вест-Сайд-хайвее. Никаких следов насилия, никаких наркотиков или алкоголя в организме вашего сына не обнаружено; он умер оттого, что ему сломали шею примерно за пять часов до того, как вы его обнаружили... по крайней мере, таково предварительное заключение перед вскрытием. По словам мисс Грин, ей потребовалось секунд пятнадцать, чтобы дойти до двери. Таким образом, мы имеем убийцу, который лишает вашего сына жизни, связывает его — не обязательно именно в таком порядке, — ставит у входной двери в особняк в состоянии трупного окоченения, звонит в дверь, садится в машину и успевает проехать несколько кварталов, прежде чем вы начинаете преследование. Как он — или они, если убийца был не один, — успели проделать все это?

— Преступление было безупречно спланировано и осуществлено.

— Что ж, возможно. Но не могло ли быть так, что вы были в шоке — и это вполне понятно, учитывая обстоятельства, — и реагировали не так быстро, как об этом сказано в вашем заявлении?

— Нет.

Энглера взвесил этот лаконичный ответ. Он взглянул на сержанта Слейда, как обычно, молчаливого, словно Будда, потом снова на Пендергаста:

— Тогда поговорим о... хм... театральном характере самого преступления. Ваш сын обвязан канатами и привезен к вашей двери — здесь есть определенные признаки гангстерского убийства. А это возвращает меня к основной канве моих вопросов... и опять прошу меня извинить, если мои вопросы покажутся вам навязчивыми или оскорбительными. Не был ли ваш сын каким-либо образом связан с уголовным миром?

Агент Пендергаст посмотрел на Энглера все с тем же бесстрастным, непроницаемым выражением:

— Я понятия не имею, с чем был связан мой сын. Как я указал в своем заявлении, мы с сыном чужие люди.

Энглера перевернул страничку:

— Криминалисты выездной бригады и мои собственные детективы тщательно осмотрели место преступления. Весьма примечательно, что там не обнаружено никаких явных улик. И никаких скрытых, полных или частичных, кроме тех, что оставлены вашим сыном. Ни одного волоска, ни одного волокна, кроме тех, что принадлежат вашему сыну. На нем новенькая, с иголки, одежда, хотя и без всяких претензий. Более того, его мертвое тело было тщательно обмыто и одето. На дороге мы не нашли ни одной гильзы, поскольку стреляли, видимо, из автомобиля. Иными словами, преступникам было известно, как действует бригада криминалистов на месте преступления, и они очень старались не оставить никаких улик. Они точ-

но знали, что делают. Мне любопытно, агент Пендергаст, как вы объясните это с профессиональной точки зрения.

— Я могу лишь еще раз повторить, что это тщательно спланированное преступление.

— Тот факт, что тело оставили у вас перед дверью, наводит на мысль о том, что преступники послали вам сообщение. У вас есть какие-либо предположения, о чем оно может быть?

— Я не в состоянии делать предположения.

«Не в состоянии делать предположения». Энглер внимательно посмотрел на агента Пендергаста. Он допрашивал многих родителей, подавленных гибелью ребенка. Нередко скорбящие родители пребывали в шоке, в оцепенении. Их ответы на вопросы зачастую были не по делу, неуверенными, неполными. Но Пендергаст вел себя совершенно иначе. Похоже, он полностью владел собой. Казалось, что он не хочет сотрудничать или не имеет к этому никакого интереса.

— Поговорим о загадке вашего сына, — сказал Энглер. — Единственным свидетельством того, что он действительно ваш сын, является ваше утверждение. Его нет ни в одной базе данных правоохранительных организаций, проверенных нами: ни в Объединенной базе ДНК, ни в Автоматизированной дактилоскопической системе идентификации, ни в Национальном информационном центре регистрации преступлений. У него нет ни свидетельства о рождении, ни водительских прав, ни номера социального страхования, ни паспорта, ни документов об обучении, ни въездной визы в эту страну. В карманах у него ничего не обнаружено. Мы ожидаем сравнения теста ДНК с нашей базой, но из всего того, что нам стало известно о вашем сыне, можно сделать вывод, что его, по сути, никогда не существовало. В своем заявлении вы указали, что он родился в Бразилии и не являлся гражданином Штатов. Но он не является и гражданином Бразилии, и в этой стране нет о нем никаких сведений. Города,

в котором, по вашим словам, он вырос, похоже, не существует, по крайней мере официально. Нет никаких свидетельств о его выезде из Бразилии или въезде в эту страну. Как вы можете это объяснить?

Агент Пендергаст медленно закинул ногу на ногу.

— Никак. В моем заявлении указано, что я узнал о существовании моего сына — о том, что у меня есть сын, — около восемнадцати месяцев назад.

— И вы видели его тогда?

— Да.

— Где?

— В бразильских джунглях.

— А с тех пор?

— С тех пор я его не видел и с ним не общался.

— Почему? Почему вы его не искали?

— Я вам уже сказал: мы с ним чужие люди.

— А почему, собственно, вы чужие?

— У нас несовместимость личностей.

— Что вы можете сказать о его характере?

— Я его практически не знал. Ему доставляли удовольствие злые игры. Он был большим докой в утрашении и унижении.

Энглер глубоко вздохнул. Эти ответы ни о чем начали его доставать.

— А его мать?

— Из моего заявления вам известно, что она умерла вскоре после его рождения, в Африке.

— Да. Несчастный случай на охоте. — В этом тоже было что-то странное, но Энглер в один момент времени мог разбираться только с одной нелепостью. — У вашего сына могли быть какие-нибудь неприятности?

— Нисколько в этом не сомневаюсь.

— И что это за неприятности?

— Понятия не имею. Он обладал удивительной способностью справляться с худшими неприятностями.

— Как вы можете утверждать, что у него были неприязни, не зная их характера?

— Дело в том, что у него были сильные криминальные наклонности.

Они ходили по замкнутому кругу. У Энглера создалось сильное впечатление, что Пендергаст не только не заинтересован в том, чтобы помочь полиции найти убийц сына, но и, возможно, утаивает информацию. Зачем ему это нужно? Никто даже не был уверен, что убитый — его сын. Да, внешнее сходство бросалось в глаза. Но, кроме опознания самого Пендергаста, других свидетельств не было. Интересно посмотреть, не найдется ли его ДНК в базе данных. И потом будет просто сравнить его ДНК с ДНК Пендергаста, поскольку он агент ФБР и данные на него в базе уже есть.

— Агент Пендергаст, — холодно произнес Энглер, — я должен еще раз задать вопрос: есть ли у вас какие-либо подозрения, касающиеся возможных убийц вашего сына? Какие-либо предположения, почему труп привезли к вашим дверям?

— Все, что я мог сказать, изложено в моем заявлении.

Энглер отодвинул в сторону лежащий перед ним протокол. Это был только первый раунд. Разговор с этим человеком еще не закончен.

— Не знаю, что тут удивительнее: особенности этого убийства, ваше непонятное безразличие к нему или полное отсутствие документальных свидетельств существования вашего сына.

Лицо Пендергаста оставалось абсолютно непроницаемым.

— «И как хорош тот новый мир, — продекламировал он, — где есть такие люди».

— «Тебе все это ново»¹, — не замедлил ответить Энглер.

¹ У. Шекспир. Буря. Акт V, сцена 1. Перевод М. Донского.

Впервые за все время их разговора на лице Пендергаста мелькнул интерес. Его глаза слегка расширились, и он посмотрел на детектива с выражением, похожим на любопытство.

Энглер подался вперед и положил локти на стол:

— Я думаю, на сегодня мы закончили, агент Пендергаст. Позвольте мне в завершение сказать кое-что. Возможно, вам и не хочется, чтобы это дело было раскрыто. Но оно непременно будет раскрыто, и это сделаю я. Я доведу дело до самого конца, а если потребуется, то и до дверей некоего молчаливого агента ФБР. Вы меня поняли?

— Меньшего я и не ожидал.

Пендергаст поднялся, постоял немного и, кивнув Слейду от дверей, вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Вернувшись в свой особняк на Риверсайд-драйв, Пендергаст целеустремленно прошел через зал приемов в библиотеку. Подойдя к высокому книжному шкафу, заполненному томами в кожаных переплетах, он сдвинул в сторону деревянную панель, за которой обнаружился ноутбук. Быстро набирая текст и вводя при необходимости пароли, Пендергаст первым делом вошел на сервер нью-йоркской полиции, затем в базу данных по нераскрытым убийствам. Записав адреса некоторых ссылок, он перешел в полицейский банк ДНК, где отыскал данные тестов ДНК по предполагаемому Убийце из отеля, который полтора годами ранее терроризировал город жестокими убийствами в элитных манхэттенских отелях.

Хотя Пендергаст вошел в банк как авторизованный пользователь, все данные были защищены и он не мог внести в них изменения или стереть их.

Несколько секунд Пендергаст смотрел на монитор. Потом вытащил из кармана телефон и набрал номер

в Ривер-Пойнт, штат Огайо. Ему ответили после первого звонка.

— Так-так, — сказал тихий голос. — Да это же мой любимый мистер секретный агент.

— Здравствуйте, Мим, — ответил Пендергаст.

— Чем я могу помочь сегодня?

— Нужно удалить кое-какие записи из базы данных нью-йоркской полиции. Тихо и без следа.

— Всегда рад насолить нашим друзьям в синей форме. Скажите, это как-нибудь связано с... как же она называлась... с операцией «Лесной пожар»?

Пендергаст ответил не сразу:

— Да. Но прошу вас, Мим, больше никаких вопросов.

— В чем в чем, а в любопытстве меня нельзя обвинить. Ну да бог с ним. У вас есть адреса ссылок?

— Дайте мне знать, когда будете готовы.

— Я уже готов.

Не отрывая глаз от монитора, а пальцев от сенсорной панели, Пендергаст медленно, четким голосом начал диктовать цифры.

4

Телефон Пендергаста зазвонил в шесть тридцать вечера. На экране высветилось: «Неизвестный номер».

— Специальный агент Пендергаст? — Голос был безликим, монотонным, но в то же время знакомым.

— Да.

— Я ваш друг в беде.

— Слушаю.

Сухой смешок.

— Мы встречались как-то раз. Я пришел к вам домой. Мы поехали под мост Джорджа Вашингтона. Я передал вам папку.